

Г. В. Федюнева (Сыктывкар)

К вопросу о прибалтийско-пермских языковых связях: коми местоимения *миян/тіян* «наш/ваш»¹

Происхождение генитива личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа (1pl./2pl.), как отмечает Б. А. Сербренников, «представляет одну из наиболее трудных проблем исторической морфологии пермских языков» [1963: 194]. Коми и удмуртские соответствия существенно различаются по форме, ср.: к. *миян/тіян*, удм. *миям/тіяд*. Это не позволяет реконструировать общепермскую праформу генитива 1pl./2pl., несмотря на общность номинативных основ к. *ми/ті*, удм. *ми/тіі* «мы/вы». Исследователями предпринимались попытки объяснить столь существенные различия в формировании плюральной парадигмы личных местоимений в близкородственных коми и удмуртском языках, однако ни одна из выдвинутых гипотез не получила абсолютного признания. В общем виде они сводятся к следующему:

1. В коми местоимениях *миян/тіян* выделяют два суффикса: *-*ja* и *-*n*. Первый сопоставляется с элементом *-ja, -jä* в финских формах *mei-jä* «наш двор, усадьба»/ *mei-jä* «ваш двор, усадьба», который возводится к финно-пермскому суффиксу собирательной множественности. Второй обычно считается рефлексом древнего финно-угорского локатива *-*n* или суффикса множественного числа *-*n*. Иногда этот элемент соотносят с уральским местоименным корнем **n*, принявшим участие в формировании коми местоимения 3pl. *найö/ная* «они». В удмуртских соответствиях также выделяют два суффиксальных элемента: **l'* и *-*am/-*ad*. Первый связывают с суффиксом пермских *л*-овых падежей или с неким словообразовательным суффиксом, конечные суффиксальные элементы возводятся к лично-притяжательным суффиксам 1sg. и 2sg.

2. В основе коми генитива *миян/тіян* выделяют более древние формы **.mila/*tia* «наш, ваш», образованные с помощью притяжательного суффикса *-a* (ср.: коми *вешöра* «умный, букв. с умом»), на которые оказал влияние генитив субстантивного склонения на *-lön*. Звук *-i-* появился в интервокальном положении. В удмуртской форме *миям/тіяд* выделяют суффикс *-*la*, который также имеет притяжательное значение и часто встречается в составе топонимов. Следовательно, формы **mila/*tila*, снабженные дополнительными лично-притяжательными суффиксами, первоначально обозначали «относящийся к нам/вам, т.е. наш/ваш».

3. В форме *миян/тіян* выделяется основа *ті-/ті-* и суффикс *-ан*, имеющий уменьшительно-ласкательное значение, ср. *кычан* «шенок», *нылан*

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 06-04-41407а/С.

«девоныка». Окончательная форма появилась в результате эпентезы *й*. Различия в коми и удмуртской основах *мий-/mii-* и *миль-/mül-* объясняются фонетической корреляцией *-й ~ -ль*, имеющей место в пермских диалектах².

4. В форме *миян/тиян* выделяют два элемента: корень *milti* и суффикс *-ян*, который связывают с показателем множественного числа в существительном *тиян* «детеныши» и в диалектных формах, имеющих значение коллективной множественности, вроде вым. *мам-ыд-йан* «твоя мать и те, кто с ней». Иногда *н*-овый элемент сопоставляют с суффиксом генетивно-адессивного значения, суффиксом собирательных числительных *-нан*, ср. к. *кыкнан* «двое», *кумнан* «трое» и т.д. [Серебренников 1963: 194-198; Основы 1976: 165; Майтинская 1979: 91-93; Лыткин 1995: 23 и др.].

На наш взгляд, для реконструкции этимологической истории генитива местоимений 1pl./2pl. прежде всего необходимо выяснить, имеют ли коми и удмуртские формы общее происхождение или возникли отдельно, независимо друг от друга. Для этого сравним парадигмы словоизменения местоимений 1sg./2sg. и 1pl./2pl.

Склонение местоимений в единственном числе в коми и удмуртском языках построено по общим принципам: принадлежностные падежи имеют в своей структуре сегменты лично-притяжательных суффиксов 1sg. *-м* и 2sg. *-т/д*, остальные падежи образованы с помощью суффиксов именного склонения. В диалектах к ним могут добавляться лично-притяжательные суффиксы имен. Парадигмы же склонения личных местоимений во множественном числе имеют существенные отличия. Прежде всего, по падежам изменяются специальные – разные для коми и удмуртского языков – основы (к. *миян-//тиян-*, удм. *миль-//mül-*), хотя номинативные (к. *ми/ми*, удм. *ми/ми*) также могут выступать в качестве вариантных. Существенные различия наблюдаются и в суффиксальной оформленности по всей парадигме. В коми языках местоимения 1pl. и 2pl. склоняются по типу существительных. В грамматических падежах они резко противопоставлены сингулярным формам, ср.: генитив *мен-ам* «мой» – *миян-лөн* «наш», аблатив *мен-сьым* «у меня» – *миян-лысь* «у нас», датив *мен-ым* «мне» – *миян-лы* «нам» и т.д. В удмуртском языке, напротив, плюральная и сингулярная парадигмы очень близки: они образованы с помощью лично-притяжательных суффиксов 1sg. и 2sg., ср.: генитив *мын-ам* «мой» – *миль-ам* «наш», аблатив *мын-эсьтым* «у меня» – *ми-ль-эсьтым* «у нас», датив *мын-ым* «мне» – *миль-эм* «нам» и т.д. Лично-притяжательная суффиксация пронизывает всю парадигму склонения удмуртских местоимений 1pl. и 2pl., тогда как в коми языке склоняется нейтральная основа генитива без лично-притяжательных суффиксов, ср.: аккузатив к. *миян-ёс* – удм. *мил-ем-ыз*, инструменталь к. *миян-ён* – удм. *мил-ем-ын* и т.д. Такое принципиальное различие говорит о позднем формировании плюральной парадигмы в коми и удмуртском языках, видимо, отдельно друг от друга.

² О звукосоответствии *j- l'* [Кельмаков 1993: 41-43; 1998: 95; Некрасова 2000: 95].

Известно, что пермские языки утратили древние плюральные суффиксы имен, «без каких-либо фонетических причин для этого» [Лыткин 1995: 25], и пока не были выработаны новые числовые показатели, они обходились без форм множественного числа. Четкой корреляции по числовому признаку, очевидно, не имели и личные местоимения. Местоимения 1pl. и 2pl. (как и 3pl.) получили окончательное оформление в отдельной жизни коми и удмуртского языков. В удмуртских прадиалектах это могло произойти раньше за счет противопоставления форм единственного числа с суффиксом *-н* формам множественного числа без него³. В коми же языковом ареале бессуффиксные основы, видимо, долго не различались по числу, сочетаясь по мере надобности с глаголами либо единственного, либо множественного числа. Об этом свидетельствуют примеры из коми-пермяцкого языка, вроде: *Ме вежӧртамӧ* «мы понимаем», *Тэ воктатӧ рытнас бӧр* «Вы приедете вечером обратно», *Ме из-за сек иньтереснея баитам* «Мы интереснее всех говорим», *Тэ мунатӧ ни?* «Вы уже уходите?», *Ме сэчань дыр олим* «Мы там долго жили» и т.д. [Баталова 1975: 178], в которых на месте местоимений 1pl. и 2pl. используются местоимения 1sg. и 2sg.⁴ Интерес представляет также материал коми-язьвинского наречия, где не только номинатив 1pl./2pl. образован от 1sg./2sg. с помощью стандартного плюрального суффикса имен (*мэ-йӧз/тэ-йӧз*), но ряд косвенных падежей, напр., каритив *мэ-тӧйанитм/тэ-тӧйанитм*, комитатив *мэ-кӧтйанитм/тэ-кӧтйанитм*, консекутив *мэ-ланитм/тэ-ланитм*, элатив *мэ-с'инитм/тэ-с'инитм*, эгресив *мэ-с'ан'анитм/тэ-с'ан'анитм*. Ср. также коми-язьвинские послеложные конструкции: *мэ ладорам* «ко мне» – *мэ ладоранитм* «к нам»/ *тэ ладорат* «к тебе» – *тэ ладоранитм* «к вам» [Лыткин 1961: 62], в которых плюральное значение выражается не местоимением, а лично-притяжательными суффиксами послелога.

Таким образом, для формирования косвенных падежей коми и удмуртские местоимения множественного числа имели различные исторические предпосылки. Если в удмуртских прадиалектах для различения числовых форм в косвенных падежах могло быть использовано противопоставление sg. *men, *ten – pl. *me, *te, то в коми требовалось дополнительное маркирование sg.~ pl. *me, *te. Следовательно, если для удмуртского генитива более актуальным было выражение принадлежности,

³ Мы исходим из того положения, что в протопермском языковом континууме функционировали обе формы местоимений 1-го и 2-го лица – с суффиксом *-нз* и без него. Поскольку суффикс в уральском праязыке имел функцию маркера лица (человека), его использование в номинативе личных местоимений было обязательным (ведь говорящий и так знает, что он лицо и говорит с лицом), однако этот суффикс сыграл заметную роль в формировании косвенных грамматических падежей (об этом: [Федюнева 2005а]).

⁴ Такое неразличение числовых форм в номинативе наблюдается и сегодня, напр., в южных говорах коми-пермяцкого языка: *Кор сийа и серӧн гӧрддзасӧ (дӧрасӧ). А ме оӧв: Эстон пылка вӧлӧ, ме ськӧт уджалӧм вӧрас вӧллэзӧн* (д. Пятигоры), *Ме мыйкӧ юмӧ* (Ошиб) – ПИМ Т. П. Меркушевой, 2002 г.

то в коми формах *мян-/тиян-* следует прежде всего искать форманты, подчеркивающие значение множественности.

Вероятнее всего, в качестве маркера множественности в коми местоимениях 1pl./2pl. был использован суффикс коллективной множественности *-ja*, с которым связывают происхождение этой формы многие исследователи (п.1). Он обнаруживается в эстонских местоимениях 1pl./2pl. *me-jelte-je* < *meijäl*teijä [Alvre 1965; Основы 1975: 73 и др.], в финских местоименных формах *meijä* «наша усадьба»/*teijä* «ваша усадьба». Возможно, к этому ряду относятся коми местоимение 3pl. *na-ja* и южно-коми формы местоимений 1pl. и 2pl. *mi-jel'ti-je*. Возможно также, что он как-то связан со словообразовательным суффиксом *-al-ja* в таких образованиях, как *чоя-вока* «брат с сестрой», *нала-зонма* «девушка с парнем», *ая-тия* «отец с сыном», *тэа-меа* «мы с тобой», в коми-пермяцких формах типа *козья* «ельник», *вөрья* «лесистое место» и т. д. Очевидно, суффикс имеет прибалтийско-пермское происхождение, хотя в пермской ветви он прослеживается только в коми языках. Б. А. Серебренников считал, что в пермских языках древнейшей поры существовало несколько форм множественного числа, среди них собирательное множественное число, которое оканчивалось на *-al-ja* [1963: 89].

Таким образом, можно предположить, что в протокоми диалектах финно-пермского периода имелись формы множественного числа вроде *тежа «я совместно с другими», *тежа «ты с другими», которые и послужили основой формирования генитива, а затем и всей парадигмы множественного числа. Однако сложность этимологизации формы *мян/тиян* состоит в том, что она не была образована непосредственно в коми языке, а заимствована или образована под влиянием прибалтийско-финских языков.

На эту мысль наводят данные вепсских диалектов, в которых различаются два разряда местоимений 1pl. и 2pl.: личные *m'ii*, *t'ii*, *h'ii* «мы, вы, они» и так называемые коллективные местоимения *m'ija-* «мы», *t'ija-* «вы», *h'ija-* «они». Последние образованы с помощью суффикса коллективной множественности *-ja*, который указывает на коллектив, семью, население деревни, группу родственников и т.д. В современных вепсских диалектах основы с суффиксом *-ja* употребляются только в формах аллатива и адессива-аблатива: *mijal/tijal*, *mijalē/tijalē*. Имеются также прилагательные *mijalah(i)ñe*, *tijalah(i)ñe*, *hijalah(i)ñe*, «относящиеся к определенному коллективу: наш (свой), ваш (свой), их (свой)» [Зайцева 1981: 236], ср. также: *jokśiba kakś joged – mejal'ne i tejal'ne* «бежали две реки – наша и ваша» [Зайцева 1972: 325, 329, 566], образованные от основ коллективных местоимений. Формы внешнеместных падежей широко представлены также в карельских диалектах. Другие падежные формы коллективных местоимений 1pl. и 2pl. с суффиксом *-ja* сегодня практически не употребляются, однако очевидно, что парадигма их словоизменения была шире.

Особый интерес для нашего исследования представляет вепская форма *m'ijan*, приведенная М. М. Хямялайненом, который отмечает, что «коллективные местоимения *m'ija-* «мы», *t'ija-* «вы», *h'ija-* «они» употребляются только в генитиве и во внешнеместных падежах: *m'ijan lapsed* «дети нашего коллектива, семьи, дома, деревни и т.д.» [М. Хямялайнен 1966: 88]. В карельском языке генитив *mijan/tijan*, очевидно, также имел распространение, однако был вытеснен формами *meiden/teiden* (сообщение П. М. Зайкова). Фомы *mian/miän* со значением «наш/ваш» сохранились в переводном памятнике карельской письменности «Герранъ мiанъ Шюндюроухтынанъ Святой Иовангели Матвѣйста, карьяланъ кiельлля», изданном в 1920 г. в Санкт-Петербурге. В его основу положен толмачевский говор карельского языка, особенности которого переданы средствами кириллицы. Аналитические конструкции *miän ota* «наш», *tiän ota* «ваш», *heän ota* «их», включающие генитив *miän/tiän* «наш/ваш» и притяжательное местоимение *ota* «свой», зафиксированы также в южно-карельских периферийных диалектах [Рягоев 1979: 7].

Поскольку в пракоми диалектах местоимения 1pl. и 2pl. не получили достаточной определенности, лакуна плюральной парадигмы проще всего могла быть заполнена готовой формой из родственного контактного языка, напр., так: **m'ijan (pojka) > m'ijan (pi)* «наш сын». Усвоение иноязычной формы значительно облегчалось фонетической и функциональной близостью корневых элементов, а также генетической общностью суффикса коллективной множественности *-ja*.

Прямому заимствованию падежной формы способствовали достаточно долгие и прочные контакты коми с прибалтийско-финскими племенами, часть из которых была ассимилирована⁵. Исчезнувшие племена оставили субстрат в коми языке, в том числе и генитив местоимений 1pl. и 2pl. *mian/miän* «наш/ваш». В пользу его «западного» происхождения говорит и тот факт, что парадигма словоизменения 1pl. и 2pl. в коми языке строится на основе генитива, а не номинатива, как это характерно для пермских языков. Словоизменение происходит по типу заимствованного слова: основа *mian/miän* без изменений выступает по всей парадигме, принимая стандартные падежные суффиксы⁶. В отличие от коми косвенные падежи в удмуртском языке образованы не от генитива, как принято считать [Основы

⁵ Весьма убедительной является гипотеза о том, что северные территории уже в доисторические времена были заселены этническими и языковыми группами родственных уральских племен, которые, несмотря на языковые различия, имели продолжительные контакты, составляя известный этноязыковой континуум с неопределенным ареалом распространения. Т.н. «заволоцкой чудью» могли быть какие-то переходные племена, объединяющие носителей западных и восточных родственных языков, которые в условиях конвергентно-контактного развития легко ассимилировались близкими по языку племенами [Хаузенберг 1999].

⁶ Нетипичность такого способа образования падежных форм для коми языка отмечали многие исследователи (напр.: [Baker 1985: 82]).

1974: 165], а от основы *милъ-//тіль-*, ср. *милъ-ам* «наш», *милъ-ем* «нам», *милъ-есътым* «у нас» и т.д. На наш взгляд, удмуртские формы ближе к марийским, в которых также имеются «дополнительные звуки -м и -н, не относящиеся ни к падежным, ни к притяжательным суффиксам»: *ме-м-на-н* «наш», *те-н-да-н* «ваш», где *ме/те* – основы, *-на/-да* – суффиксы 1pl. и 2pl., *-н* – показатель родительного падежа [Галкин 1964: 87-89]. Кроме того, местоимения 1pl. и 2pl. в коми языке образуют послеложные конструкции опять же по западному типу, т.е. на основе генитива, тогда как в удмуртском языке они строятся вполне «по-пермски», ср.: удм. *ми пала* «к нам», к. *миян дорö* «тж», удм. *ми сярись* «о нас», к. *миян йылысь* «тж» и т.д. Прибалтийско-финским влиянием, очевидно, можно объяснить также использование основы генитива в косвенных падежах местоимений 1sg.2sg. и в послеложных конструкциях, которое последовательно наблюдается в лузско-летском, спорадически в верхне- и среднесысольском диалектах коми языка, ср. к. лл. *менам дінын* и вепс. *minun rindou* «возле меня», к. лит. *ме дінын*.

Контакты между прибалтийско-финскими и коми прадиалектами, очевидно, имели место, начиная с самого раннего периода формирования этих языков. Существенные различия между коми и удмуртскими языками как в лексике, так и в разных частях грамматической системы и возможность объяснения коми инноваций через материал прибалтийско-финских языков свидетельствуют об их контактно-конвергентном развитии в течение длительного времени (об этом: Häusenberг 1995, Хаузенберг 1999, 2001, 2002, Bartens 2000, Федюнева 2004, 2005 и др.). Гипотеза о западном происхождении коми генитива местоимений 1pl. и 2pl. дополняет картину.

Список литературы

- Баталова, Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / Р. М. Баталова. – М.: Наука, 1975.
- Галкин, И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. / И. С. Галкин. – Йошкар-Ола, 1964.
- Зайцева, М. И. Словарь вепсского языка / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. – Л., 1972.
- Зайцева, М. И. Грамматика вепсского языка / М. И. Зайцева. – Л.: Наука, 1981.
- Кельмаков, В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов / В. К. Кельмаков. – Ижевск, 1993.
- Лыткин, В. И. Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – М., 1961.
- Лыткин, В. И. Коми кывлön исторической морфология / В. И. Лыткин. – Пермь-Сыктывкар, 1995. – 102 лб.
- Майтинская, К. Е. Местоимения / К. Е. Майтинская // Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. – М., Наука, 1979.
- Некрасова, Г. А. Коми кывлön исторической фонетика / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 2000.

Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М.: Наука, 1974.

Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки). – М.: Наука, 1975.

Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). – М.: Наука, 1976.

Рягоев, В. Д. Тихвинский говор карельского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Д. Рягоев. – Тарту, 1979.

Серебренников, Б. А. Историческая морфология пермских языков / Б. А. Серебренников. – М., 1963.

Федюнева, Г. В. Местоимения 3-го лица в пермских языках: историко-диалектные соответствия / Г. В. Федюнева // Вопросы коми диалектологии. Тр. Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2004. – С. 150-161.

Федюнева, Г. В. К вопросу о прибалтийско-финско-пермских контактах: коми местоимения *нида/ныда* «они» / Г. В. Федюнева // Материалы XXXIII Международной филологической конференции / Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2005.

Федюнева, Г. В. Местоимения 1-го и 2-го лица в пермских языках: исторические параллели / Г. В. Федюнева // Научные доклады Коми НЦ УрО РАН. – Вып. 475. – Сыктывкар, 2005. – 37 с.

Хаузенберг, А.-Р. Некоторые вопросы истории коми языка в свете теории контактов / А.-Р. Хаузенберг // В. И. Лыткин и финно-угорский мир. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Лыткина. – Сыктывкар, 1999. – С. 158-162.

Хаузенберг, А.-Р. К проблеме ареальных инноваций в коми языке / А.-Р. Хаузенберг // Пермистика-8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Сыктывкар, 2001. – С. 280-286.

Хаузенберг, А.-Р. (рец.) Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys / Memoires de la Société Finno-ougrienne. 238. Helsinki, 2000 // Linguistica Uralica. XXXVIII. – 2002. – № 4. – Tallinn. – S. 302-309.

Хямялайнен, М. М. Вепский язык / М. М. Хямялайнен // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. – М.: Наука, 1966. – С. 81-101.

Alvre, P. Zur Frage nach der Entwicklung **ja, jä >i* in den uralischen Sprachen / P. Alvre // Советское финно-угроведение. Т.1. – Таллин, 1965. – С. 19-21.

Baker, R. The Development of the Komi Kase System. A Dialectological Investigation / R. Baker. – Helsinki, 1985. – 266 S.

Bartens, R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys / R. Bartens // Memoires de la Société Finno-ougrienne. 238. – Helsinki, 2000.

Hausenberg, A.-R. Onko komin ja itämerensuomalaisissa kielissä areaalisia yhteispiirteitä? / A.-R. Hausenberg // CJFU VIII. Pars IV. – Jyväskylä. 1995. – S. 180-182.